

## ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

**Т.В. Панич**

*Институт истории СО РАН, Новосибирск*

**Евфимий Чудовский и Петр Артемьев:**

**спор двух культур\***

Полемика инок Чудова монастыря Евфимия с бывшим диаконом Петропавловской церкви в Новомещанской слободе г. Москвы Петром Артемьевым, расстриженным за приверженность идеям и обрядам католической церкви, нашла отражение в комплексе материалов, сохранившихся в трех рукописях конца XVII—начала XVIII в.: ГИМ, Синодальное собрание, № 393<sup>1</sup>; ГИМ, Синодальное собрание, № 346<sup>2</sup>; БАН, П.1.В.11 (34.3.13)<sup>3</sup>.

Последний из перечисленных сборников представляет самую позднюю редакцию сочинений, связанных с именем Петра Артемьева, созданную уже после его смерти [Панич, 1999, с. 40–43]. Особое значение среди материалов рукописи имеют два текста, где параллельно отражены взгляды обоих полемистов, литературное творчество которых представляет несомненный интерес при изучении культурно-исторических событий конца XVII в. Один текст называется «Выпись тетрадей, которая предложил великому господину, святейшему кир Адриану, архиепископу Московскому и всеа России и всех северных стран патриарху, диакон Петр Артемиев, своей рукою писанья, а в них 89 страниц, из них же кратко выписаны гордости его на восточную церковь и клеветы на защитников тоя и отпадение от восточныя церкви и соединение твердое с западною» [БАН, П.1.В.11 (34.3.13), л. 55–71 об.]<sup>4</sup>; сочинение представляет собой сделанный Евфимием Чудовским постраничный разбор-обличение «тетрадей» Петра Артемьева, в которых тот по требованию церковных властей изложил свои вероисповедные взгляды<sup>5</sup>. Второй текст, озаглавленный «Выписано из грамматок, которая он, диакон, писал ко отцу своему Артемию в Суждаль» (л. 71 об.–78), также подготовлен чудовским полемистом на основе критической интерпретации писем Петра отцу в Суздаль. Читая и комментируя тексты своего идейного антагониста, Евфимий подверг критике те его высказывания и представления, которые противоречили, с его точки зрения, православной догматике и выходили за рамки традиционных идейно-эстетических норм православной культуры.

Словесный поединок двух писателей второй половины XVII в., заключенный в названных сочинениях, имевший в своей основе главным образом богословские

\* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 05–01–01350а.

<sup>1</sup> Сборник конца XVII в., был использован М. Никольским в статье о Петре Артемьеве [Никольский, 1863].

<sup>2</sup> Рукопись представляет Дополненную редакцию антилатинской книги «Щит веры», создание которой относится к 1699 г. [Панич, 2004, с. 165–176].

<sup>3</sup> Сборник начала XVIII в., см.: [Исторический очерк, 1956, с. 139, 423–424].

<sup>4</sup> Далее при цитировании указания на листы рукописи приводятся в тексте в круглых скобках.

<sup>5</sup> Текст «тетрадей», как и других сочинений Петра Артемьева (за немногим исключением), известен лишь в извлечениях, сделанных с целью их критики.



и догматические расхождения, может многое прояснить и во взглядах обоих противников на некоторые проблемы культурного развития; в их столкновениях с разной степенью полноты отразились также литературные и эстетические представления полемистов, их отношение к идеям и событиям «переходной» эпохи.

В этом конфликте Евфимий Чудовский проявляет себя непримиримым и последовательным критиком Запада и западной церкви, убежденным адептом которой предстает в своих сочинениях его идейный противник – Петр Артемьев. Отзывы чудовского старца о новоявленном католике и его «латинофильских» высказываниях пронизаны настороженной враждебностью. Полемизируя с ним, Евфимий защищает православие и православные традиции русской культуры, что всегда являлось господствующей идеей, ядром его культурной концепции и составляло основу его полемического творчества и в целом книжной деятельности, отличавшейся разнообразием направлений и форм. При этом он особо подчеркивал, что в своих взглядах опирался на авторитет святоотеческого наследия и церкви, являясь ее послушным, «искренним сыном». Апелляция к имени патриарха и соборному церковному мнению постоянно звучала в текстах Евфимия. Он таким образом, придерживался в своем творчестве традиционной точки зрения, веками господствовавшей в древнерусской культуре, анонимной по своей сути, где, «художник осознавал себя искусным инструментом, направляемым соборным сознанием православной церкви» [Бычков, 1999, с. 228].

Другие культурные взгляды и представления о литературном творчестве демонстрировал идейный оппонент Евфимия – диакон Петр Артемьев. В 1688–1691 гг. Петр вместе с Иоанникием Лихудом, у которого он учился в Славяно-греко-латинской академии в Москве, посетил Италию, жил долгое время в Венеции, обучался в католических школах. Это путешествие и пребывание в чужой стране, продолжавшееся более трех лет, по-видимому, произвели на молодого человека столь сильное впечатление, что под влиянием всего увиденного Петр на многое изменил свои взгляды и даже вероисповедание. Судя по выпискам из «тетрадей», Петр шел к новому вероисповеданию постепенно, испытывая колебания и большие сомнения. Так, он вспоминал: «Хождах к латиню во церковь и моляхся аз еще под сомнением тогда» (л. 55 об.). Или в другом месте: «Аз, шед в римскую церковь, причастихся. И взят мя велие сомнение». Однако, как далее пишет Артемьев, он постепенно избавился от сомнений. В этом ему помог и разговор с одним из новых учителей-иезуитов, который убедил его в более высокой учености католиков (по сравнению с православным священством), что, по его мнению, составляло важное преимущество римской церкви. Вот как Артемьев передает этот разговор: «Повеждь ми, лучши ли, чим римская церковь ваша над греческою? Отвеща: "Римская-де и греческая церковь едина есть, и никакая над кую лучшествует, токмо разве у нас люди ученнейшии". Чесому и аз рекох: "Аминь"» (л. 57–57 об.). Возвратившись на родину, Артемьев поначалу скрывал свои убеждения и приобретенные обрядовые привычки («крыся наших, русских»), но постепенно стал открыто выражать новые воззрения в устных разговорах, проповедях в храме и отправлении церковных обрядов. В мае 1698 г. Петр за свое вольнодумство был помещен церковными властями в Новоспасский монастырь, где, судя по всему, и написал «тетради», адресованные патриарху Адриану, подробным образом изложив на 89 страницах свои «гордости» и «клеветы» (так охарактеризовал его откровения Евфимий). Как явствует из выписанных Евфимием цитат, диакон Петр защищал догмат римско-католической церкви о исхождении Святого Духа, а также неправославное учение о пресуществлении Святых Даров «Христовыми словесы», без молитвенного призывания Святого Духа, высказывал мысли о главенстве папы, не соблюдал православных постов, но, следуя уставу римской церкви, постился в субботу и допускал другие отступления от православия.



Знакомство с западной культурой во время пребывания за пределами Московской Руси и трансформация религиозных воззрений Артемьева не могли не сказаться на его письменном творчестве. В сочинениях Петра, в особенности в письмах к отцу в Суздаль, где он наиболее искренен и предельно откровенен, отчетливо проступают следы влияния западноевропейской культуры. В создаваемых им художественных образах и повышенной экспрессивности стиля четко прослеживается влияние поэтики литературы барокко. Письма демонстрируют и особое мироощущение автора, повышенное внимание к собственной личности. Настроение писателя очень изменчиво: то он горделиво насмешлив и вызывающе дерзок (когда говорит о готовящемся на него соборе, с иронией и пренебрежительно называя его «забором», который он надеется без труда преодолеть: «о Бозе моем прелезу сию стену или забор»), то впадает в отчаяние (когда вспоминает, как много грешил в своей жизни: «скверняся всюду, редко не на кийждо день десятижды и вящи содомски»). Самооценка писателя двойственна и свидетельствует о глубоко душевном разладе: с одной стороны, в его высказываниях сквозит мысль о своих высоких достоинствах и даже особом предназначении, с другой – осознание собственной глубокой порочности, нравственной нечистоты, описание которых граничит у него с грубым натурализмом. Например, Петр с глубокой горечью так говорит о себе и своих поступках: «чем еще пуше завоняю, ибо весь есмь смрад» или: «елико Ты, Боже, пречист, толико аз мерзок и весь есмь смрад и доньне». Описывая в письмах собственные переживания, связанные со сложным положением, в котором он оказался из-за разногласий с православной церковью, и мучимый тревожными ожиданиями решения своей участи, он говорит о готовности стать жертвой, уподобляя себя ветхозаветному Исааку (своего отца Артемия представляя в роли Авраама), экзальтированно мечтая о страданиях и сравнивая их с крестными муками Иисуса Христа.

Судя по высказываниям Артемьева, он в полной мере осознает себя писателем, ощущая работу со словом как призвание и необходимую потребность. Размышляя о своей склонности к словесному творчеству и чувствуя в себе данную свыше «благодать слова» и «велие дарование на всякое Божественное писание», он напоминает отцу о страшном видении из раннего детства, которое, как он предполагает, предвещало этот дар. Он пишет отцу: «В писаниих же дарование не предзнаменовашеся-ли из младенчества моего? Веси ты сам осиновской случай, в нем же ни во сне, ни во изумлении зряхуся ми велия страхования, их же и ныне, якоже зрю, толь памятно. Зряшеся же ми, якобы держу свиток великий бумаги, который из рук моих развертывался таким бегом, скоро, как молния, и чем развернется велми зело, тем ис того свитка являхуся ми или воды огневидныя, или пламы огненныя. И в тех пламенех вопляху многочисленныя гласы, являхуся же и тмочисленныя виды глав человечесих и зверских, не виданых мною таковых и до днесь, овы целы, живы и устрашающыя мя люте, овы же мертвы и разсечены в шутики» (л. 76–76 об.).

Нарисованная Петром эсхатологическая картина, наполненная символами и образами Апокалипсиса (молниеносно разворачивающийся в руках ребенка свиток с запечатленными на нем картинами страшных адских мук, огненные воды, языки пламени, пожирающие грешников, их громкие вопли), интерпретируется Евфимием Чудовским по-своему. Он не придает видению символического значения. Ссылаясь на замечание Артемьева о том, что «таковое видение страховательное случися ему быти пред немощию и после сего болел с год, и та-де болезнь и ныне отыгается на лице прыщами», Евфимий объясняет видение физической немощью малолетнего Петра, сильной лихорадкой, обычно сопутствующей «жарким» болезням. Евфимий уверен, что Петр использует этот давний эпизод из детства, чтобы объяснить и оправдать свой переход в католичество как предопределенный свыше жизненный путь: «И понеже ныне он, диакон, воста на восточную



церковь во отпадении к западной, приемля, верует сие быти предзнамение» (л. 77).

Особое раздражение Евфимия вызвали те фрагменты «граммоток», где Петр допустил неприемлемые, с точки зрения его критика, сопоставления. Так, чудовский полемист приводит текст, в котором диакон рассуждает о своей порочности и нечистоте, эмоционально сравнивая собственные грехи с величием Бога, и силу своей злобы приравнивая к силе Бога: «Грехи моя толь велики, елико Ты сам велик еси, и злоба моя толь силна, елико Ты сам силен еси, и толико бо мерзок и нечист есмь, елико Ты сам пречист еси» (л. 71 об.). Подобные словесные конструкции, в которых сопряжены несоизмеримые и несовместимые, а потому сопоставимые, как полагает Евфимий, понятия — величие Бога и величие грехов, божественная чистота и мерзость человеческих пороков (словесная игра контрастами — излюбленный прием стиля барокко) — воспринимаются им как святотатство и отступление от библейской заповеди. Он резюмирует: «Сие может вмениться противу заповеди, от самага Господа преданья, яже глаголет: "Да не приимеши имене Господа твоего в суетном"» (л. 72).

Чудовский книжник в своем критическом разборе сочинений Петра затрагивает также и сугубо литературный аспект проблемы: Евфимий ссылается на предписания риторик, активно использовавшихся в XVII в. русскими книжниками в качестве теоретического и практического литературного руководства<sup>1</sup>. Имея в виду предписываемые ими правила создания текста и использования определенных образных средств, в частности, сравнений и уподоблений, Евфимий с упреком констатирует нарушение Петром риторических литературных установок, подчеркивая, что «ни в коих риторских сравнениях может обрестися уподобление с величеством Божиим суетных и скверных» (л. 71 об.—72).

Не меньшее негодование вызывали у Евфимия и другие художественные образы Артемьева, в которых проявилось экзальтированное, доходящее до чувственного экстаза, восприятие действительности, свидетельствующее как о чрезвычайно впечатлительной, сверхэмоциональной натуре автора<sup>2</sup>, так и о влиянии на его творчество литературы западноевропейского барокко с ее интересом к определенным темам, особым мироощущением и повышенной экспрессивностью стиля<sup>3</sup>. Так, например, говоря о своей готовности к страданиям, он пишет: «Гвожжу к рукам Его мои руки, гвожжу и к ногам Его ноги мои, и отняв у Нево уста Ево, делаю в них своя уста». Или другой пример: «даждь мне Свое сердце моему сердцу в товарищи с Тобою, всесладкий мой, Иисусе! Разъязвится тогда сердце сердцу соединится, когда мое сердце заодно с Твоим прободется стрелами острейшими» (л. 73 об.). В этих образах преломилась характерная для литературы барокко тема страданий Христа<sup>4</sup> и особо отчетливо проявились элементы барочного стиля: ярко выраженная экспрессия, напыщенность, высокопарность, витиеватость речи.

Подобный стиль Артемьева раздражал Евфимия Чудовского. Разбирая один из фрагментов его письма, он заметил: «Зде глаголет зело напыщенно». Интуитивно ощущая плотский, чрезмерно чувственный характер некоторых метафорических образов писателя, он с негодованием писал: «Везде в писмах своих, яко

<sup>1</sup> См., например: [Елеонская, 1990, с. 21–54; Сазонова, 1991, с. 30–74].

<sup>2</sup> По мнению А.И. Шляпкина, Петр Артемьев с детства страдал *mania religiosa* [Шляпкин, 1891, с. 220–221]. Думается, что такое представление исследователя могло возникнуть потому, что он слишком прямолинейно истолковал тексты, написанные Артемьевым. Ученый не учел того, что многие, заключенные в образах Петра идеи и чувства, намеренно усиливались и «сгущались» им в угоду используемому стилю, т.е. образ и настроение писателя, отраженные в его сочинениях, были во многом стилистически мотивированы.

<sup>3</sup> О характерных чертах европейского барокко см., например: [История, 1987, с. 27–31, 36–42; Голенищев-Кутузов, 1969, с. 102–152.].

<sup>4</sup> Тема нашла отражение в поэзии Симеона Полоцкого и его ученика Сильвестра Медведева [Сазонова, 1991, с. 69–72].



злый или изумленный, злая и изумленная смыслит... Где, кто от святых в списани-их своих дерзнул тако прилагати своя руки ко Христовым рукам и ноги к ногам, и Христова паче уста отимати, и в них своя содевати?... Всех святых великих светил ни в коем списании, ниже в Матвейном, или молителном, или в поучателном, или в доводственном таковая мысль обретается. И наипаче: кий мученик молился бы когда, прося сердца у Сына Божия, или кий от пророк или от апостоломучеников, за Христа пострадавших, просил бы когда сердца к сердцу?» (л. 72 об.—73 об.).

Евфимия как искушенного богослова и ревностного защитника православия более всего заботила верность православной догматике. В подобных высказываниях Артемьева он усматривал мысли, «противные» Писанию, противоречащие богословскому учению отцов церкви. Так, указывая на неприемлемость метафорического совмещения «описываемого» (человека и человеческих страстей) и «неописуемого» (божественной сущности), Евфимий писал, обращаясь к Петру: «Зде же, безумниче, уже пречиста или зело свята, или зело предивна себе мниши быти, зане в соседство Сына Божия просишися, из помраченообуенныя по высокосердию твоему мысли изиде таковое богопротивное твое разумение... Како описанный в неопisanном соседства хощеши? И како место даеши и ищеши в неопisanном, еже есть противно всей богословии?» (л. 74 об.).

Итак, Евфимий Чудовский внимательно и вдумчиво прочитал «тетради» и «граммотки» Артемьева, обличая уязвимые, с точки зрения православной церкви, его высказывания, и предлагая собственные аргументы в защиту ортодоксального учения. Он также подверг тщательному разбору и «разорению» некоторые художественные образы, созданные Петром, полагая их несовместимыми с эстетическими традициями православной письменности и теоретическими предписаниями современных риторик. Для Евфимия, работавшего в строгих рамках традиций святоотеческого наследия и древнерусской письменности, создававшего свои сочинения по ее жанровым, тематическим и стилистическим «лекалам», были неприемлемы и чужды литературные образы Петра Артемьева, совмещавшего в них несовместимые понятия из разных сфер бытия (духовного и чувственного, высокого и низменного) и нарушавшего, с точки зрения чудовского книжника, и богословские православные каноны и традиции, и установки риторических предписаний литературы второй половины XVII в. При этом сам Евфимий не чуждался новых литературных тенденций, в том числе и тех, что представляли результат западного культурного влияния. Так, например, он отдал определенную дань литературе барокко, разрабатывая в своих стихах некоторые «характерные для поэзии современников и западноевропейских лириков барокко темы»: изменчивости, быстротечности жизни, призрачности бытия и др. [Сазонова, 1990, с. 304]. Однако, он всегда избирательно и предельно осторожно подходил ко всякой новизне, принимая для себя лишь то, что никоим образом не могло поколебать «установленные пределы», пагубным образом сказаться на православном вероучении.

Пример полемики двух писателей, один из которых прочно держался за традицию, а другой ориентировался на другую культуру, демонстрирует сложность процессов, происходивших в русской литературе в конце XVII в., глубину ее внутренних сдвигов в результате секуляризации, усиления межнациональных культурных связей и других исторических причин. Изучение сочинений, отразивших конфликт Евфимия Чудовского и Петра Артемьева, в определенной мере проясняет специфику их взаимоотношений, а также дополняет картину культурных влияний извне. Анализ текстов Петра Артемьева, в частности, показывает, что восприятие русской литературой стиля барокко осуществлялось не только через украинско-польское посредство, но и другими путями (в рассматриваемом случае — из католической Италии). Вариант барокко, отраженный в сочинениях Артемьева, по своей внутренней сути значительно отличается от того варианта, который развивался в придворной силлабической поэзии (например, Симеоном



Полоцким и Сильвестром Медведевым) и имел особые черты [Еремин, 1948, с. 125–153; Лихачев, 1973, с. 165–214; Панченко, 1973, с. 161–208; Сазонова, 1991, с. 3–30], во многом обусловленные спецификой русской национальной культуры и «придворно-официозными условиями» деятельности поэтов [Робинсон, 1974, с. 15–16].

### Литература

- Бычков В.В. 2000 лет христианской культуры *sub specie aesthetica*: В 2 т. М.; СПб., 1999. Т. 2: Славянский мир. Древняя Русь. Россия.
- Голенищев-Кутузов И.Н. Барокко и его теоретики // XVII век в мировом литературном развитии. М., 1969. С. 102–152.
- Елеонская А.С. Русская ораторская проза в литературном процессе XVII века. М., 1990.
- Еремин И.П. Поэтический стиль Симеона Полоцкого. ТОДРЛ. М.–Л., 1948. Т. 6. С. 125–153.
- Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук / Авторы: М.Н. Мурзанова, Е.И. Боброва и В.А. Петров. М.: Л., 1956. Вып. I. XVIII век.
- История всемирной литературы. В 9-ти томах. Т. 4. М., 1987.
- Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII веков: Эпохи и стили. Л., 1973.
- Никольский М. Русские выходцы из заграничных школ в XVII столетии // Православное обозрение. М., 1863. Т. 10. С. 246–270.
- Панич Т.В. Книга «Щит веры» в историко-литературном контексте конца XVII века. Новосибирск, 2004.
- Панич Т.В. «Написание к советникам» Афанасия Холмогорского: Материалы к биографии Петра Артемьева // Гуманитарные науки в Сибири. Серия: Отечественная История. Новосибирск, 1999. № 2. С. 40–43.
- Панченко А.М. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973.
- Робинсон А.Н. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974.
- Сазонова Л.И. Евфимий Чудовский – новое имя в русской поэзии XVII в. // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 44. С. 300–324.
- Сазонова Л.И. Поэзия русского барокко (вторая половина XVII–начало XVIII в.). М. 1991.
- Шляпкин И.А. Св. Димитрий Ростовский и его время: 1651–1709 гг. СПб., 1891.